А.А. ДРОЗДОВ
Доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: camertus@mail.ru

A.A. DROZDOV
Associate prof., Moscow State University, Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: camertus@mail.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2023_3_2_162_177

СТЕКЛО ИЗМАЙЛОВСКОГО ЗАВОДА КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в.

GLASS OF THE IZMAILOVSKY FACTORY OF THE LATE 17th — EARLY 18th c.

Около 1690 г. на Измайловский завод была привнесена центральноевропейская рецептура поташного стекла, обесцвеченного пиролюзитом и мышьяком. Это могло произойти в результате поездки Петера Балтуса в Голландию в 1688–1692 г. Однако изменение состава сначала не повлияло на уже сложившуюся технику выдувания и декорирования стекла «на венецианский манер». В 1690-е гг. измайловское стекло начинают украшать гравировкой. Получает развитие пришедший из Богемии декоративный стиль, построенный на сочетании растительных мотивов — цветов тюльпанов, симметричных волютообразных завитков, зигзагообразных лент, дробящих пространство на прямоугольные участки, заполненные орнаментом. Примерно в начале 1700-х на заводе, выпускавшем художественное стекло до 1710 г., посуда «на венецианский манер» постепенно уступает место коническим рюмкам и стаканам. В моду входит огранка нижней части стаканов усеченными овалами и сферическими ямками. Растительный гравированный орнамент сменяют композиции, состоящие из герба и латинской надписи, прославляющей царя Петра I. Проведенное исследование составов позволяет отличить ранние изделия 1670-х и 1680-х гг. от более позднего измайловского стекла.

Around 1690, the Central European recipe for potash glass, bleached with pyrolusite and arsenic, was introduced to the Izmailovsky factory. This could have happened as a result of the trip of Peter Balthus to Holland in 1688–1692. However, the change in composition did not at first affect the already established technique of blowing and decorating glass "in the Venetian manner". In the 1690s, Izmailovo glass began to be decorated with engraving. The decorative style that came from Bohemia is being developed, built on a combination of plant motifs — tulip flowers, symmetrical volute-shaped curls, zigzag ribbons, splitting the space into rectangular areas filled with ornaments. Around the beginning of the 1700s, at a factory that produced art glass until 1710, dishes «in the Venetian style» gradually give way to conical glasses and glasses. The fashion includes cutting the lower part of the glasses with truncated ovals and spherical pits. A floral engraved ornament is replaced by compositions consisting of a coat of arms and a Latin inscription glorifying Tsar Peter I. The study of the compositions makes it possible to distinguish the early products of the 1670s and the first half of the 1680s from the later Izmaylovo glass.

Ключевые слова: русское художественное стекло, стекло на венецианский манер, Измайловский стеклянный завод, гравировка.
Keywords: Russian artistic glass, «façon a Venice» glass, Izmailovsky glass factory, glass engraving.

Раннее стекло Измайловского завода изготавливали в традициях голландского стекла «на венецианский манер» с использованием поташа и соды. В некоторых случаях в него вводили небольшое количество свинцового сурика. Для обесцвечения стекла применяли пиролюзит. В 1680-е гг. в центральной Европе были разработаны три новые рецептуры бесцветного стекла [1] — это ранний поташный хрусталь с крайне низким содержанием кальция (примерно 0,8 % CaO), стабилизированный введением оксида бора, поташный хрусталь без добавки бора, но содержащий 2–6 % CaO и меловое стекло с еще большим количеством кальция. Все эти составы, в отличие от более ранних, включали добавку оксида мышьяка, об использовании которого в производстве бесцветного стекла впервые упоминает И. Кункель в книге Ars vitraria (1679). Можно предположить,

что около 1690 г Измайловский завод переходит на новую центрально-европейскую рецептуру бесцветного поташного стекла с содержанием 2–6% CaO [2], для обесцвечивания которого используют оксид мышьяка. В Богемии в начале XVIII в. наиболее популярным стало меловое стекло, которое идеально подходит для гравировки [3]. В России добавку мела в XVII – первой половине XVIII века не использовали, так как кальций попадал в стекло из других компонентов шихты, прежде всего, из недостаточно очищенного поташа (1). Измайловское стекло 1690-х гг характеризуется высоким качеством, оно прекрасно сохранилось (не мутнеет, не покрывается сеткой трещин) и либо вообще не имеет оттенка, либо имеет едва-заметный фиолетоватый оттенок, вызванный добавлением пиролюзита. При производстве этого стекла использовали более тщательно очищенный («литрованный») поташ, чем это было раньше. Отсутствие документов не позволяет установить, как эта рецептура попала в русские земли. Однако о контактах с Богемией свидетельствует документ, согласно которому в конце 1680-х на завод из города Ческа Липа в северной Богемии прибывает гравер Матиус Ульман. Хранящееся в архиве «Дело о выдаче денежного жалования мастеру стеклянных резных дел в с. Измайлове Матвею Ульману за 1710–1711 гг.» [4] позволяет сделать вывод, что он проработал на заводе более двадцати лет (2). Подписные работы Ульмана нам неизвестны. Он мог работать на заводе или в своем доме в селе Измайлово.

В это же время в Россию ввозят большое количество европейского стекла. Из Ческа Липа и Хршибска (нем. Крайбиц) резчики и торговцы стеклом совершали путешествия в другие европейские страны, в ганзейские города, Валахию, Россию [5]. Они ездили по одиночке или группами. Торговцы брали с собой негравированное стекло, гравировальный станок и работали на местах. Когда запас стекла заканчивался, покупали местное или отправлялись домой. Известно, что гравер Франц Георг Крайбих из Хршибска с 1685 по 1719 г. совершил не менее 21 поездки с товаром, посетив Бранденбург, Померанию, Венгрию, Трансильванию, Голландию, Англию, Швецию и Россию. В документах Посольского приказа сохранилось дело «о приезде в Россию цесарца стеклянного резного мастера Григорья Кребиха и отпуске оного обратно» [6, л. 119], согласно которому резчик пробыл в России с 25 июля по 3 октября 1689 г. В описи, хранящейся в РГАДА, упоминается и дело «о приезде в Россию цесарского купца Валентина Гейнса со стеклянною посудою и отпуске оного обратно за границу»,

начатое 10 февраля 1690 г. [6, л. 123]. В 1692 г. отмечен приезд в Россию немецких купцов Мартына и Табиаса Брееровых и Ивана Вейсгерберга «для продажи привезенной ими стеклянной посуды» [6, л. 150].

Эти новые контакты с Богемией приводят к тому, что в употребление вводятся новые формы и виды изделий. Достаканы «на трех пуклях» вышли из моды, а наряду со стаканами появились стеклянные стопы, которые имели коническую форму. Это позволяло ради экономии места при хранении ставить стопы и стаканы «в стопу», то есть помещать друг в друга или складывать мелкие стаканчики внутрь массивных стоп. В доме Голицына в ноябре 1690 г. находились «две стопы троецкие с кровлями, в одной 10, в другой 5 стоканцов» [7, с. 34]. Там же упомянуты и «две стопы стеклянных цветных». Новые формы изделий отличались от традиционной измайловской продукции «a façon» большей толщиной стенок, предназначенных для огранки. В Описи хором В. Голицына 1690 г. читаем: «Три достакана чистого стекла толстых граненых и в том числе на двух месты резба, а третий гладкой. Цена рубл. — Два достакана резных с кровли. Цена обоим 23 алтын 2 денги. – Пять стаканов чистого ж стекла, толстых, по них резьба. Цена рубль 16 алтын 4 денги» [7, с. 8]. Не до конца ясно, делали ли эти «толстые» стаканы на заводе в 1680-е гг. или их привозили иностранные купцы. В источниках эти изделия никогда не называют измайловскими.

В рассматриваемый период завод по-прежнему ориентируется на традиционное гутное стекло в венецианском духе, ставшее уже несколько старомодным к концу XVII в. В некоторые изделия вносится «цветовой» акцент в виде отдельных элементов, выполненных из цветного стекла — синего, фиолетового, зеленого. Опись имущества Голицына упоминает «16 стоканов стеклянных с репьями синими» [7, с. 34]. Часть необходимых материалов ввозили из-за границы. Мастер Петер Балтус по бумагам Посольского приказа выезжал в Голландию в 1688 г. «для покупки новых материалов», причем вернулся он лишь спустя четыре года — в январе 1692 г. [6, с. 116 об]. Еще одна его поездка состоялась в 1697 г. [6, л. 138 об].

Знаменитые измайловские кубки-шутихи, введенные в научный оборот Н.А. Ашариной [8–10], а также бокалы, «чешуйчатый» и «полосатый» кувшины из коллекции ГИМ, можно было бы уверенно поместить в 1670-е. Эти тонкостенные изделия, несмотря на некоторую перегруженность декоративными элементами (заметную в отдельных куб-

ках), сохраняют легкость, свойственную стеклу на венецианский манер.

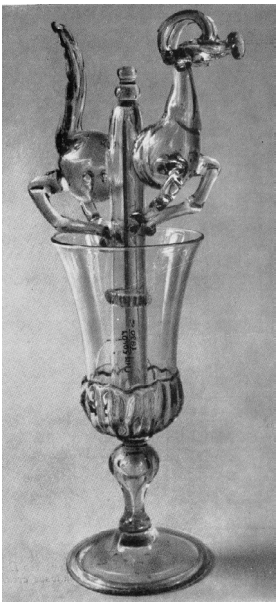

Рис. 1. Кубок с фигурами трех оленей, центральная Европа, вторая половина XVII в., частное собрание
Рис. 2. Кубок-шутиха, ГИМ

Все сохранившиеся до наших дней «шутихи» по конструкции могут быть разделены на две группы [9; 11]. В кубках первой группы сифон, увенчанный фигуркой оленя (Н.А. Ашарина называет их «баранчиками»), насаживается на вертикальный штырь, помещенный внутрь чаши. Именно эта конструкция широко распространена в европейском «Scherzglas» (английский термин «Trick glass»), где фигуры оленей бывают самой разнообразной формы, встречаются не только кубки (Вена, Музей прикладного искусства, инв. GL 2119–1; музей Виктории и Альберта, инв. 5509–1859), но и стопы с оленями (Берлин, городской музей инв. M 397), иногда оленей оказывается не один, а три (рис 1). Известны примеры, когда подобные кубки выполнены из зеленого зольного стекла (музей Виктории и Альберта, инв. C. 413–1936). Чтобы выпить из такого сосуда, нужно прикоснуться губами к отверстию в морде животного и втягивать через него содержимое из чаши кубка. Этот процесс выглядит со стороны очень комично.

Логично предположить, что измайловские кубки данной конструкции, находящие аналогии в европейском стекле, появились первыми, возможно, еще в 1670-е гг. Однако насколько долго мода на сосуды с «баранчиками» сохранялась в русском стекле, неизвестно (3).

В музейных собраниях сохранилось три кубка с «баранчиками», все они находятся в коллекции Государственного исторического музея (4). Лишь один из них (ГИМ, 1130 ст.) сохранился полностью (рис. 2). Он пред-

ставляет собой сосуд на высокой полой ножке с колоколовидным туловом, нижняя часть которого декорирована дополнительным набором стекла в виде широкой неровной ленты, которой еще в горячем виде щипцами придали рельеф в виде неровных вертикальных ребер. Подобная техника декорирования является упрощенным приемом венецианской техники «a mezza stampatura» (подштамповка), когда на разогретую в печи заготовку изделия, все еще находящегося на трубке, наносят дополнительное количество стекла, а затем придают ему ребристую фактуру путем оттиска в открытой форме. В центральной Европе вместо оттиска в форме разогретый внешний слой стекла декорировали вручную пинцетом или щипцами, делая его поверхность рифленой (5). Именно так поступали и измайловские мастера (6). Внутри чаши кубка на стеклянный стержень надета более широкая трубка, завершающаяся полой фигуркой «баранчика» с длинным широким и плоских хвостом, забавно поднятым вверх. Вертикальный стержень, заканчивающийся двумя шариками-«пуклями», разбивает тулово животного на две части. Стержень свободно вращается вокруг вертикальной оси кубка.

По форме тулова кубку близки два бокала, также входящие в собрание ГИМ. Один из них (ГИМ, 1473 ст.) настолько совершенен в пропорциях, что вызывает в памяти венецианские бокалы XVI в. Его колоколовидная чаша утяжелена в нижней части дополнительным набором стекла с вертикальным рифлением, что придает ей сходство с цветком чертополоха. Она покоится на легкой дутой ножке и коническом сильно поднятом кверху основании (7). Другой бокал (ГИМ, 1554 ст.) имеет сходную чашу, но несколько приземистое основание и более массивную ножку в форме балясины.

Две другие шутихи с «баранчиками» из коллекции ГИМ сохранились в неполном виде. Одна из них (3117 ст.) очень близка вышеописанной. На чаше другой шутихи (5038 ст.) дополнительный наклад стекла с «подштампомвой» отсутствует. В этом предмете главный акцент сделан на его вертикальной «полосатой» фактуре — эффекте, достигнутом выдуванием баночки в рифленую форму. Аналогичное рифление имеет и кувшин, находящийся в экспозиции ГИМ. Еще один кувшин из этого собрания (3075 ст.) снабжен носиком, завершающимся фигуркой «баранчика», аналогичной фигурке на кубках. Это изделие имеет характерную «чешуйчатую» поверхность, которая отмечена как характерная черта некоторых измайловских изделий.

Зрительно к этой группе можно было бы отнести и «шутиху» из коллекции Государственного Эрмитажа (инв. ЭРС-536), поступившую в нее в 1950 г. [12]. Она отличается от ранее рассмотренных кубков более широкой формой чаши. Несколько иначе выполнена и фигурка, не имеющая центрального выступа, в гнездо которого помещается штырь. Здесь представлен не сказочный зверь с петлевидными ушами», напоминающими рога барана, а вполне узнаваемая фигурка оленя. Сам штырь тоже необычен — он украшен воздушной филигранью, техника которой была разработана в Англии не ранее 1720-е гг. Более того, этот штырь, на который насажена фигурка, помещен внутрь широкой трубки, которая изолирует ее от чаши, наполненной жидкостью. Иными словами, выпить из такой шутихи вообще невозможно, даже прикоснувшись губами к пасти зверя. Такая особенность конструкции дает нам право не рассматривать эрмитажный кубок в ряду измайловских шутих. По мнению автора, этот предмет имеет европейское происхождение и исполнен не ранее 1730-х гг.

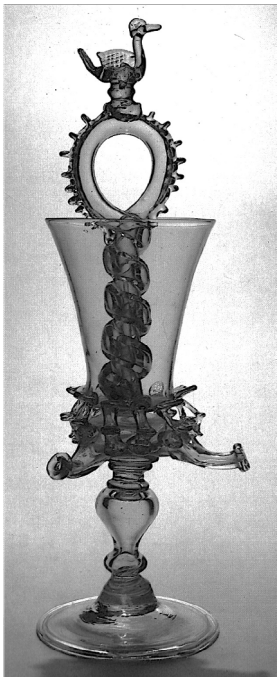

Рис. 3. Кубок-шутиха, ГМК «Кусково»

Вторая группа измайловских «шутих» представлена кубками с полым яблоком, служащим резервуаром и снабженным одним или несколькими носиками и системой трубок (сифоном). Часто на верхней петле трубки сидит стеклянная фигурка птички. Наиболее совершенным в этой группе выглядит кубок из собрания ГМЗ «Кусково» (ГМК 1212 ст.) с полой дутой ножкой и высоким сифоном, трубки которого закручены винтом и заканчиваются петлей, на которой сидит птичка-уточка (рис. 3). Снаружи петля украшена тонкой накладной лентой с защипами, сделанными пинцетом. Трубки сообщаются с резервуаром, имеющим форму приплюснутого яблока с тремя длинными носиками, через один из которых пьют напиток, закрывая другие носики пальцами (8). Конструкция резервуара скрыта от наших глаз вертикальными накладными полосками, концы которых отогнуты пинцетом, делая его поверхность дробной и «колючей». Очень близка кусковскому кубку «шутиха» из собрания Ка-

Рис. 4. Кубок-шутиха, КОМЗ

Рис. 5. Фигурка птички на кубке-шутихи, КОМЗ

лужского музея-заповедника (КОМЗ, инв. КС-516) (рис. 4), отличающаяся от кусковского кубка лишь некоторыми деталями — раструбом колоколовидной чаши, количеством витков спирали сифона, формой дутой баляcины и, главное, фигуркой птички, напоминающей здесь сказочного дракона (рис. 5). Состав стекла калужской шутихи интересен наличием в нем около 1% оксида свинца, 1% оксида мышьяка, а также около 4 % оксида натрия, что позволяет рассматривать ее самую раннюю из сохранившихся шутих и (только из данных о составе стекла) относить ее ко времени около 1690 г когда уже новая рецептура еще не прижилась, но в стекло уже стали вводить оксид мышьяка. Шутиха ГМК «Кусково» выполнена уже из сваренного по новой рецептуре поташного стекла без введения оксида свинца и с добавкой оксида мышьяка, уже ставшей традиционной. Сходство морфологии двух предметов и приемов их декорирования говорит о традиционности форм изделий и приемов работы со стеклом. Это позволяет датировать шутиху из ГМК «Кусково» 1690-ми годами.

Ко второй группе может быть отнесен и кубок ГИМ 1929 ст. с широкой чашей, на которой выгравирована более поздняя владельческая надпись (9). Она сильно отличается от двух других шутих этой группы формой чаши, выдутой из более толстого стекла, массивной ножкой с широкой дутой балясиной и формой сифона, состоящего из одной петлеобразно изогнутой трубки и декоративной стеклянной палочки, на перекрестье которых помещена фигурка птички. Яблоко сифона имеет лишь один носик и не скрыто от глаз налепами (10). С туловом его соединяют изогнутые стеклянные скобы, имеющие чисто декоративное значение и находящие аналогии в европейском «Scherzglas» (11). Хотя «шутихи» были известны в Богемии, на нижнем Рейне и в странах северной Европы, среди них нет конструкций с фигурками животных, размещенных на верху сифона.

Рис. 6. Кубок-шутиха из коллекции Щукина, ГИМ

В двух кубках этой группы, по-видимому, созданных чуть позже, может быть, около 1700 г., ножка уже не полая, а набрана из яблок и дисков, как это было принято в Богемии в 1680-е и 1690-е гг. (12). Но, по сравнению с богемскими образцами, все сделано несколько небрежно. Конструкция сифона упрощается, он становится короче, а птичка пересаживается на верхушку крышки, где играет роль хватка. Так устроен кубок, происходящий из коллекции Щукина (ГИМ, 1931 ст.). В его декоре видна преемственность с другими шутихами этой группы. Внимательно приглядевшись, можно заметить, что птичка сидит не прямо на крышке, а на круглом яблоке — «пукле», от которого в стороны отходят две изгибающиеся стеклянные «веточки», украшенные накладной лентой с защипами. Все эти приемы мастера нам уже знакомы по другим шутихам этой группы. Неудивительно, что Н.А. Ашарина приписала все эти кубки «фигурному мастеру» Индрику Лерину [10]. В кубке из щукинского собрания мастер использует широкие щипцы для создания рельефного клетчатого узора на крыльях фигурки (рис. 6). Так же оформлены и плоские налепы стекла, закрывающие с двух сторон верхнее яблоко. Клюв и гребешок птички выполнены из фиолетового стекла, окрашенного марганцем. Ку-

бок, сходный по конструкции и форме ножки с щукинским, но лишившийся крышки, хранится в коллекции Ф. и Е. Лемкуль [13].

Рис. 7 «Скляница четвероугольная», 1690-е гг., Владимиро-Суздальский музей-заповедник

Некоторые изделия, производимые измайловскими мастерами, украшали гравировкой. Для стиля 1790-х гг. характерна плоская скользящая гравировка, когда колесико мастера только матирует в некоторых местах поверхность изделия, а не врезается вглубь стекла. Отдельные тонкие и глубокие линии обозначают детали. Декоративные мотивы незамысловаты, набор орнаментальных элементов скудный, но они повторяются с такой настойчивой регулярностью, что буквально переходят из одного предмета в другой. Разумеется, эта гравировка не только имеет богемские корни, но и делалась богемскими мастерами, вероятно, вне завода. Так, Матиас Ульман назван в документе мастером из села Измайлово, где он, возможно, обитал, а не мастером Измайловского завода. Среди обилия импортной продукции выделить рядовые предметы, произведенные измайловскими мастерами, представляется нелегкой задачей. Богемский стиль растительного узорочья 1680–1700-х гг. неизменно включал букеты, крупные цветы, похожие на тюльпаны, виноградные лозы, тонкие оперенные усики с мелкими листиками. Иногда их дополняли цветы ромашки или подсолнуха с блестящей сердцевиной в виде крупной полированной оптической ямки и опоясывающих их матовых лепестков. Растительный орнамент часто сплошь покрывал поверхность предмета. В Южной Богемии этот «волютообразный» декор сохранялся и в первой половине XVIII в., а в сельских районах Моравии (Moravské Křižánky, Březina) — вплоть до конца XVIII в. (13). В интерпретации измайловских мастеров растительные мотивы несколько упростились, набор используемых элементов сократился до отдельных крупных тюльпанов и стилизованных растительных побегов с листьями и усами. Растительные усики трансформировались в отдельные завитки, имеющие форму запятой. Они могут быть свободно разбросаны по поверхности или, соединяясь попарно, образовывать горизонтальный

фриз. Для измайловского стиля характерна симметрия, разделение поверхности прямыми и зигзагообразными линиями, иногда нарочито неровными, на отдельные прямоугольные участки, в центре которых помещался цветок тюльпана. Иногда в центре композиции оказывается круглый медальон с птичкой или оленем, перекликающийся своим сюжетом с фигурками на кубках-шутихах.

Рис. 8. «Скляница четвероугольная», деталь гравировки

Рис. 9. Кубок, Измайловский завод, 1690-е гг. (частное собрание)

Примером продукции Измайловского завода может служить «четвероугольная скляница» (позднее название — штоф) из Суздаля (Владимиро-Суздальский музей-заповедник, инв. С-6327), выдутая в форму из стекла едва заметного фиолетоватого оттенка с отдельными мелкими белыми камнями (рис. 7). Подобно другим измайловским вещам 1790-х, штоф легкий, так как имеет тонкие, чуть неровные стенки. Их толщина меняется, это создает какое-то ощущение рукотворности, свойственное измайловскому стеклу. Поверхностная гравировка нанесена широкими линиями, ее дополняют узкие полосы и штриховка. На широких сторонах штофа неровные мелкие зигзаги, акцентированные тонкими прямыми линиями, обрамляют центральное поле, в которое помещен цветок тюльпана с сетчатой сердцевиной и двумя рядами листьев, нижние из которых превратились в симметричные завитки. Участки, оставшиеся пустыми, мастер заполняет короткими полосками из зигзагов, явно руководствуясь желанием заполнить орнаментом буквально все участки (рис. 8). Эти изгибающиеся зигзагообразные линии, напоминающие ленты, исполнены нарочито небрежно, отличаясь одна от другой не только шириной, но и числом изгибов. Иногда в орнаментальную канву из зигзагов оказывался вплетенным медальон с фигуркой летящей птички, пространство вокруг которой мастер заполнил отдельными волютообразными завитками (14). Эти же мотивы присутствуют и в кубке с широкой конической, закругленной у основания чашей, помещенной на ножку,

состоящую из дутой балясины и полого приплюснутого яблока, своим размером приближающегося к резервуарам сифонов кубков-шутих (рис. 9). Тонкое основание без заворота стекла на крае треснуло из-за дефекта стекла, почти так, как это упомянуто в описи 7185 г., где у «17 кубков поддоны отломаны». Вся чаша кубка покрыта гравированным ковровым узором из горизонтальных веточек оливы, волютообразных завитков, выступающих то в роли отдельных элементов декора, то становящихся частью растительного узора. Центральную часть композиции занимает овальный медальон, окруженный лентой из бусинок жемчужника с помещенной в него фигурой оленя, бегущего по матированному позему с вписанным в него волютообразным орнаментом. На противоположной стороне помещен уже знакомый нам симметричный мотив с цветком тюльпана и расходящимися в стороны от него изгибающимися ветвями со стилизованными листьями-завитками (рис. 10). Этот цветочный орнамент перекликается с росписями подзоров русских храмов второй половины XVII в. Виртуозно исполненная фигурка оленя, четко продуманная схема декора ставят кубок в один ряд с лучшими образцами богемской гравировки конца XVII в., однако форма изделия, несовершенство его исполнения позволяют предположить работу заезжего богемского гравера на стекле Измайловского завода (15). Еще одним примером этого растительного стиля служит яблоко (рис. 11) паникадила из Покровского монастыря в Суздале (Владимиро-Суздальский музей заповедник инв. М-301, опубл. в [14]), которое, в отличие от подвесок и пронизок, следует датировать концом XVII в. (16).

Рис. 10. Деталь гравированного узора на кубке

Рис. 11. Яблоко паникадила, Владимиро-Суздальский музей-заповедник

Несколько изделий конца XVII в. с простой гравировкой сохранилось в Оружейной палате. Три низкие чаши в форме корчиков с носиками и петлевидными ручками (ГМЗ «Московский Кремль», инв. Ф-1562, Ф-1564, Ф-1565, см.: [15, № 57, 59, 60]) украшены волютообразными завит-

ками и стилизованными растительными ветками. Близкую форму имеет чашка (инв. Ф-1563, [15, № 58]), в отличие от корчиков, помещенная на поддоне и, по-видимому, имевшая блюдце. Ее украшает простая гравировка в виде трех горизонтальных побегов, завершающихся крупными круглыми цветками. По-видимому, этим же временем следует датировать и ставик (ГМЗ «Московский Кремль», инв. Ф-1560, [15, № 61]), форма которого восходит еще к 1670-м гг.

Фото, представленные в статье, выполнены автором в экспозиции музеев, в частных собраниях или взяты из литературы.

Примечания:

1. На Жабинском заводе варили стекло по богемской рецептуре с повышенным содержанием кальция. Возможно, для этого использовали не мел, а известь. На Лавинских заводах и на заводе на Фонтанке эта рецептура распространения не получила [16].

2. Никаких сведений о выездах Ульмана из России за этот период в архивах не обнаружено.

3. В европейском стекле (см. например, [17, p. 187, fig. 145]) подобные кубки с фигурами животных известны вплоть до 1720-х гг. Примером служит кубок с фигуркой оленя на крышке, от которого вниз чаши опускается трубка сифона, тулово которого сплошь покрыто лиственно-ленточным орнаментом, характерным для богемского искусства 1720-х гг. (Национальный музей Норвегии, инв. OK-03198). О его североевропейском происхождении говорит характерная куполообразная форма основания и дутое широкое дольчатое яблоко — элементы, не типичные для центральноевропейского стекла, но находящие аналогии в искусстве северной Германии и Скандинавии.

4. В 2004 г. при раскопках на Манежной площади (р. 05, кв. 3–63, гл. — 459) в культурном слое Москвы найдена часть фигурки от кубка-шутихи (передана в Музей Москвы), аналогичной «баранчикам» на шутихах ГИМ (частное сообщение Ю.А. Лихтер). Она, подобно кубку из Калужского музея, выполнена из стекла, восходящего к рецептуре 1670-х годов, то есть содержащего добавку соды и свинцового сурика, но уже с использованием мышьяка. По-видимому, подобный состав следует рассматривать как переходный к классической богемской рецептуре, не предусматривавшей добавление соды и сурика. Это позволяет условно отнести шутиху из Калужского музея и с Манежной площади ко времени около 1790 года. Интересно, что с формой «шутихи» были знакомы мастера Императорского стеклянного завода, изготовившие в 1883 г. кубок, близкий измайловским с фи-

гуркой конька на вертикальном стержне, расписанный эмалями, — музеи Кремля, предмет опубликован в [18].

5. Стакан, ок. 1680, инв. Нö 67 689, Пассау, музей [19, каталог, № I.2].

6. Данная техника декорирования известна в украинском гутном стекле [20, рис. XII] и в некоторых предметах из зеленого стекла, найденных археологами на территории Москвы.

7. Такой же прием, имитирующий технику подштамповки, использован в декоре кружки ГИМ 1220 ст., также несущей характерные черты измайловского стекла. Ей близка кружечка из собрания Ф. и Е. Лемкуль с навитой стеклянной нитью, инв. МЛК ПР-314, см. [13]).

8. Пить из носика нужно непрерывно, в противном случае жидкость будет продолжать течь из носика вопреки вашему желанию. Чтобы прервать этот процесс, как только вы сделали глоток, надо вдуть в носик воздух.

9. «Сей бокаль при ибла», то есть получила в свое ведение или в качестве платы за что-то. Ниже гравирован владельческий вензель ГІП в обрамлении двух лавровых ветвей. По характеру написания букв надпись отнесена ко второй половине XVIII в.

10. Этим данный кубок близок тем европейским шутихам, в которых яблоко всегда хорошо заметно. В некоторых случаях яблоко даже превращают в тулово оленя, обыгрывая его носик в виде морды зверя с рогами — см. кубок из Музея декоративного искусства в Праге, инв. 1352.

11. См.: музей Виктории и Альберта, инв. 5509–1859; Вена, Музей прикладного искусства, инв. GL 2119–1 и др.

12. См. датированный кубок с гербом Вальдштейна 1685 г., Ризенгебирге, Музей истории искусств, Вена.

13. См. иллюстрации [21, p. 130–133], [22, fig. 326].

14. Фрагмент кубка с гравированным декором, Старомонетный пер., д. 5, находка 2022 г., частное сообщение Ю.А. Лихтер.

15. Ситуация, когда на местном стекле, выдутом еще в традициях «а фасон», могли работать заезжие мастера, характерна и для других «периферийных» стран, например, Скандинавии. См., например, кубок с конным портретом Фредерика IV из Национального музея Норвегии, Осло, инв. OK-03201, выс. 26 см, или кубок с растительно-ленточным орнаментом из Национального музея Швеции, Стокгольм, инв. NMK 610/1927, выс. 19 см.

16. Яблоко отличается от других элементов паникадила и по оттенку стекла.

Список литературы:

1. *Kunicki-Goldfinger J.J.* Szkło w Europie Srodkowej od Póz´nego Sredniowiecza do XVIII Wieku. — Instytut Chemii i Techniki Ja drowej: Warshaw, Poland, 2020.

2. *Kunicki-Goldfinger J., Máld M., Dzierżanowski P.* Late 17th century glass vessels from Eiland — technological approach // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. — Nottingham: AIHV, 2005. — P. 258–262.

3. *Hais R.* Vývoj českého křišťálového skla z pohledu sklářské technologie // Sklář A Keramik. — 2017. — № 3–4. — S. 51–61.

4. РГАДА. Ф. 248. Д; 511. Л. 24–30.

5. *Lukáš V.* The exportation of Bohemian glass. A historical review // Journ. Glass Studies. — 1981. — V. 23. — P. 58–63.

6. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1.

7. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Том 4. — Санкт-Петербург, 1893.

8. *Ашарина Н.А.* Русское художественное стекло конца XVII — третьей четверти XVIII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. — Москва, 1975.

9. *Ашарина Н.А.* Русское стекло. — Москва: Галарт, 1998.

10. *Ашарина Н.А.* Шутихи села Измайлова // Наука и жизнь. — 1973. — № 11. — С. 151–153.

11. *Панкова Т.Н.* Скульптурная пластика в произведениях Петербургского (Императорского) стеклянного завода XVIII — начала XX века // Сборник материалов научно-практической конференции «Скульптурная пластика в художественном стекле». — Санкт-Петербург, 2013. — С. 7–12.

12. Стекло, которым любовались. Шедевры XVI–XX веков в собрании Государственного Эрмитажа. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018.

13. *Долгих Е.В., Лисицына Е.В., Замахаева В.Е.* Художественное стекло. Коллекция Федора и Екатерины Лемкуль. — Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2023.

14. *Чуканова А.В.* Русское стекло конца XVII–XVIII веков в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. — Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015.

15. *Горбатова И.В.* Художественное стекло XVI–XVIII веков. Каталог собрания. — Москва: ГМЗ «Московский Кремль», 2006.

16. *Дроздов А.А., Андреев М.Н., Ратников Д.С.* Изучение состава стекол, производимых на Жабинском заводе в первой трети XVIII века // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. — 2022. — Том 88. — № 7. — С. 15–22.

17. *Schlosser J.* Das Alte Glas. — Braunschweig, 1956.

18. Русское стекло и фарфор XVIII–XIX вв. Оружейная палата. Набор открыток. — Москва: Изобразительное искусство, 1980.

19. Das Böhmische Glas, Band I. Barock — Rokoko — Klassizismus. B. 1. — Passauer Glasmuseum, 1995.

20. *Починок Э.Ю., Чекановский А.А.* Стеклянная посуда на территориях Киевских монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. — С. 294–299.

21. *Sedláčková H., Rohanová D.* Renaissance and Baroque Glass from central Danube region. — Brno: Archaia Brno o. p. s., 2016.

22. *Vávra J.S.* 5000 years of glass-making. The history of glass. — Artia, Prague, 1954.